

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Меньшикова Е.С. Цифровая трансформация как часть внешнеполитической стратегии КНР // Мировая политика. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.2.73877 EDN: WJFUIJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73877

Цифровая трансформация как часть внешнеполитической стратегии КНР

Меньшикова Екатерина Сергеевна

старший преподаватель; институт стран Азии и Африки; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
аспирант; институт стран Азии и Африки; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1

✉ bastet-1997@mail.ru

[Статья из рубрики "Современные внешнеполитические концепции и доктрины"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.2.73877

EDN:

WJFUIJ

Дата направления статьи в редакцию:

29-03-2025

Дата публикации:

13-06-2025

Аннотация: Цифровизация играет ключевую роль в политической стратегии международных акторов ввиду ее влияния как на трансформацию процессов управления, так и на взаимодействие государств на международной арене. Предметом исследования статьи является анализ основных тенденций цифровой трансформации как составной части внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики. Особое внимание уделяется аспектам внешнего продвижения технологических инициатив Китаем. Китай формирует цифровую экосистему, активно продвигая её в мировую политику в рамках концепции «сообщества единой судьбы в киберпространстве». Определено, что Китай стремится как укрепить свои позиции на мировом рынке, так и стать ведущим игроком в сфере цифровых инноваций, что делает его стратегию важным фактором в глобальной цифровой трансформации. Исследование

стратегии КНР включает дискурс-анализ, концептуальный анализ, «идейно-ценностный» подход. Критический концептуальный, нарративный анализы определили концептуальные основы цифровой стратегии КНР. Ивент-анализ, кейс-стади выявили тенденции, механизмы цифровой системы Пекина. Институциональный метод определил институты развития цифровой экономики. Анализ вторичных статистических данных показал динамику развития цифровизации Китая в миросистеме. Особое внимание уделяется роли Китая в формировании глобальных технологических стандартов и его взаимодействию с акторами в рамках продвижения цифровых инициатив. Проанализирована инициатива «Цифрового Шелкового пути» как инструмента экспорта китайских технологий. Особенно отчетливо цифровое влияние Китая наблюдается в странах Центральной Азии, Африки и Латинской Америки с точки зрения создания инфраструктурных проектов и экспорта цифровых технологий, продвижения глобальных «идейно-ценностных» инициатив. Новизна статьи заключается в приведенной систематизации механизмов продвижения цифровой стратегии Китая, демонстрирующей его стремление занять лидирующие позиции в области развития цифровых инноваций. Основное внимание уделяется продвижению Китаем инициатив глобального цифрового управления и анализу проблем масштабирования китайских технологий в различных странах.

Ключевые слова:

стратегия Китая, цифровизация, цифровой дискурс, цифровые технологии, Цифровой шелковый путь, искусственный интеллект, идеи и ценности, дискурс Китая, технологии, цифровая трансформация

В условиях стремительного развития цифровых технологий большинство международных акторов делает акцент не только на внутреннем развитии цифровизации, но и на внешнем продвижении цифровых инициатив с целью технологического присутствия в странах, представляющих для них стратегический интерес. В процессе разработки технологических решений ряд стран ориентировался на западные стандарты, включая операционные системы и иные компоненты. Однако в последние годы наблюдается тенденция к снижению зависимости от иностранных технологий и увеличению доли национальных разработок в сфере цифровизации с целью обеспечения конкурентоспособности на мировой арене. В условиях, когда цифровые технологии становятся ключевым драйвером экономического роста и обеспечения национальной безопасности, анализ их воздействия на мировую систему приобретает первостепенное значение. Данный запрос требует от акторов усиления политических стратегий, направленных на обеспечение цифрового развития и укрепление геополитических позиций государства на международной арене.

В результате усиления санкционного давления со стороны США, ориентированного на технологический сектор и включающего ограничения на экспорт оборудования и компонентов, необходимых для производства полупроводников и развития искусственного интеллекта, Китайская Народная Республика усилила национальную цифровую стратегию. В настоящее время Китай демонстрирует интенсивное развитие цифровизации, стремясь к достижению лидирующих позиций в данной области^[1]. Согласно документу «Общий план строительства Цифрового Китая» КНР к 2025 году планирует достичь нового уровня построения цифровой культуры, а к 2035 году занять передовые позиции в области цифрового развития^[2]. В документе «План действий по

построению Цифрового Китая на 2025 год» Китай определяет стратегическую цель по достижению прогресса в строительстве цифрового Китая за счет производства новых технологий и повышения качества развития цифровой экономики^[3]. В результате одним из актуальных вопросов для исследования становится проблема определения влияния цифровой трансформации Китая на внешнеполитические процессы, а особенно в контексте изменения международной системы. Особый интерес представляет рассмотрение внешнеполитической стратегии КНР с точки зрения степени воздействия цифровой трансформации на других акторов, а также выявление проблем, с которыми сталкивается Китай в странах своего геополитического влияния.

В рамках исследования «идейной» основы цифровой внешнеполитической стратегии Китая применяется методология, включающая дискурс-анализ и концептуальный анализ ключевых политических документов КНР, а также заявлений официальных лиц Китая, в том числе через призму «идейно-ценостного» подхода^[4]. Кроме того, при определении ключевых и концептуальных положений, формирующих цифровую стратегию КНР, применен критический концептуальный и нарративный анализ.

Практическая реализация стратегии Китая в сфере цифровых технологий рассматривается с точки зрения ивент-анализа, определившего основные тенденции развития цифровой экосистемы Пекина. Кейс-стади позволил выявить примеры взаимодействия Китая в сфере цифровых технологий, а также определить влияние цифровизации на внешнюю политику государства. Институциональный метод исследования позволил осуществить глубокий анализ конкретных институтов, обеспечивающих развитие цифровой экономики в Китае, а также механизмов реализации его внешнеполитической стратегии в данной сфере. Благодаря методу анализа вторичных статистических данных определены ключевые тенденции, закономерности и динамика развития китайских цифровых технологий в мировой системе.

Целью статьи является анализ роли цифровой трансформации в процессе формирования и реализации внешнеполитической стратегии КНР, а также определение ключевых направлений влияния китайских цифровых технологий в мировой системе. Новизна статьи заключается в комплексном анализе «идейной» основы цифровой стратегии Китая, а также в систематизации ключевых механизмов развития китайской цифровой экосистемы и оценке их влияния на международных акторов. Данный подход позволяет выявить стратегические цели и приоритеты Китая в контексте глобализации цифровой экономики, а также оценить влияние «идейно-ценостных» факторов на формирование и реализацию внешнеполитических инициатив в сфере цифровых технологий.

«Идейное» обоснование цифровой стратегии Китая

На глобальном уровне в современной мировой системе наблюдается процесс формирования «идеологического вакуума»^[5], что приводит к усилению конкуренции между различными акторами в контексте формирования идей и ценностей. По мнению политолога Ф.А. Лукьянова процесс конкуренции идей и ценностей сравним с «мягкой» гонкой вооружений^[6]. Исходя из этого, в условиях современной геополитической обстановки, ведущие акторы реализуют свои внешнеполитические стратегии, основываясь как на интересах, так и идеях, ценностях, которые в совокупности составляют «идейно-ценостный» фактор. Идеи и ценности являются основополагающими принципами государственной политики. Их сбалансированная мягкость и гибкость, а также жесткость и пространственная ориентированность

позволяют оказывать влияние на ряд субъектов, находящихся в процессе формирования своей «идейно-ценностной» основы или обладающих недостаточно устойчивой основой.

На протяжении последних 10 лет в публичных выступлениях Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина прослеживается «идейно-ценностная» риторика, направленная на формирование концепции «сообщества единой судьбы человечества», которая охватывает широкий спектр областей, включая образование, культуру, здравоохранение, экологию, аэрокосмическую отрасль, а также цифровизацию.

В сфере информационно-коммуникационных технологий КНР выстраивает цифровую экосистему, заданную под собственные технологические стандарты с перспективой ее распространения на внешние рынки преимущественно развивающихся стран. Цифровая экосистема КНР представляет собой стратегическую модель, реализуемую официальными представителями Китая, и направленную на интеграцию цифровых технологий в различные аспекты общественной жизни посредством продвижения «идейных» категорий освоения мира в сфере цифровизации. Руководство Китая создает систематическую концептуальную основу для «мягкого» продвижения цифровых технологий вовне. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в рамках продвигаемой китайским руководством концепции «сообщества единой судьбы в киберпространстве» и инициативы «Цифровой Шелковый путь», которая олицетворяет продвижение цифровых технологий на мировой рынок, постепенно формируя глобальную цифровую инфраструктуру. Данный фактор реализуется посредством продвижения Китаем глобальных инициатив и укрепления их влияния в международной системе [\[7\]](#).

В настоящее время Пекин формирует новую архитектонику в сфере развития цифровых технологий, что находит отражение в соответствующих официальных документах Китайской Народной Республики. В 14-м пятилетнем плане по национальному социально-экономическому развитию (2021–2025) и долгосрочных целях КНР до 2035 года подчеркивается, что инновации будут основным фактором прогресса [\[8\]](#). Китай заявляет о решимости сосредоточить усилия на реализации прорывов в ключевых технологических областях. В 14-м пятилетнем плане также особое место отводится разделу, посвященному инициативе по созданию Цифрового Китая, а именно лидерству в цифровой экономике, цифровому обществу и правительству, здоровой цифровой экосистеме.

В последнее время наиболее активно в дискурсе официальных представителей КНР прослеживается обращение к концепции «Сообщества единой судьбы в киберпространстве», которая является частью «Сообщества единой судьбы человечества». Председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении в рамках Всемирной конференции по вопросам Интернета 2023 года подчеркнул, что международное сообщество должно углублять практическое сотрудничество, чтобы совместно вывести строительство «сообщества единой судьбы в киберпространстве» на новый этап.

В 2022 году опубликована соответствующая Белая книга «Совместное создание сообщества единой судьбы в киберпространстве», в которой представлен анализ и стратегия развития и управления интернетом в Китае, а также описаны достижения в продвижении данной инициативы. Согласно Белой книге для формирования «Сообщества единой судьбы в киберпространстве» необходимо придерживаться концепции глобального управления, базирующейся на принципах взаимного диалога, развития и продвижения многосторонней и демократической системы регулирования интернета на международном уровне. В данном документе также указаны ключевые

ценности, такие как равенство, уважение суверенитета в киберпространстве, обеспечение стабильности и безопасности, а также открытость и доступность использования интернет-пространства^[9].

Также в официальном дискурсе чаще продвигается инициатива «Цифровой шелковый путь» как часть инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), которая превращает концепцию в интеллектуальную сеть за счет обмена знаниями и технологиями. Инициатива «Цифровой Шелковый путь» рассматривается Китаем в качестве ключевого элемента политической стратегии страны, способствующего глобальной интеграции^[10]. В контексте реализации данной инициативы Пекин предпринимает шаги по созданию единого цифрового пространства через реализацию инфраструктурных проектов и продвижение технологической продукции. В Китае крупными технологическими компаниями, которые распространяют свои технологии за пределами страны, являются Huawei, Tencent, Alibaba, China Mobile, Inspur, China Unicom, ZTE, Sugon, Dahua.

При этом «Цифровой Шелковый путь», как элемент цифровой экономики, уже постепенно приобретает черты политического контекста. Например, китайские компании активно заключают соглашения с зарубежными партнерами для реализации собственных цифровых инфраструктурных проектов. Китай активно продвигается «идейная» риторика по совместному формированию «Цифрового Шелкового пути». Например, Председатель КНР Си Цзиньпин в 2020 году на выставке Китай-АСЕАН заявлял о намерении углублять сотрудничество в рамках инициативы «Цифровой Шелковый путь» в странах Юго-Восточной Азии.

Китайская Народная Республика с помощью реализации инициативы «Цифровой Шелковый путь» одновременно стремится как укрепить свои позиции в качестве ключевого торгового партнёра на мировой арене, так и утвердиться в качестве значимого центра международных цифровых транзакций^[11]. Пекин предпринимает стратегические шаги по установлению контроля над логистическими маршрутами посредством приобретения или получения доли в инфраструктурных проектах. Данный механизм способствует укреплению политических позиций КНР, что позволяет ей позиционировать себя в качестве альтернативного центра глобализации и ключевого игрока в контексте трансформации мирового порядка^[12]. Вместе с тем, это чревато увеличением присутствия Китая в ряде стран и усилением его влияния с перспективой создания китаецентричного порядка^[13]. В рамках данной инициативы Пекин усиливает свои позиции на международной арене с точки зрения внедрения единых стандартов в сфере искусственного интеллекта среди стран-участниц, в том числе за счет продвижения идеи глобальной интеграции, подкрепляемой финансированием проектов, и идеей взаимовыгодного сотрудничества^[14].

С 2017 года Китай также продвигает программу сотрудничества «Электронная коммерция Шелкового пути», подразумевающую проведение мероприятий, направленных на интеграцию крупнейших торговых платформ с целью развития торговой деятельности компаний стран-участниц. В рамках данного проекта установлено сотрудничество в области электронной коммерции с 33 государствами.

В 2015 году разработан десятилетний план «Сделано в Китае 2025» с целью интеграции новых информационных технологий в промышленное производство. В рамках данного плана Китайставил перед собой цель – достижение к 2025 году 70% самообеспеченности в высокотехнологичных отраслях и к 2049 году доминирующего положения на мировых рынках. Однако с 2019 года интенсивность официальной

риторики в отношении данной инициативы в информационном пространстве со стороны официальных представителей Китая существенно снизилась.

Инициатива «Интернет плюс» направлена на интеграцию цифровых технологий в традиционные отрасли. В рамках реализации указанной программы разработан план мероприятий, направленный на интеграцию современных технологий в производственные процессы. В частности, предполагается внедрение мобильного интернета, облачных вычислений и интернета вещей для развития электронной коммерции, а также расширение международного присутствия интернет-компаний. Например, Китай продвигает формат «Интернет плюс» в сфере услуг по уходу за пожилыми людьми.

В 2017 году Китай представил национальную инициативу в области искусственного интеллекта «Программа развития искусственного интеллекта нового поколения»^[15]. Согласно документу к 2025 году ожидаются успехи в области фундаментальной теории искусственного интеллекта. В соответствии с указанной программой к 2030 году Китай должен стать мировым инновационным центром искусственного интеллекта. В 2024 году в КНР уже насчитывалось более 4500 компаний в сфере искусственного интеллекта.

Официальные лица Китая неоднократно в цифровом дискурсе подчеркивают приверженность общечеловеческим ценностям. Так, в документе «Пекинские принципы искусственного интеллекта» затрагиваются вопросы, связанные с защитой человеческих ценностей, например, обеспечение неприкосновенности частной жизни; уважение к достоинству и свободе личности; гарантирование безопасности систем искусственного интеллекта; создание условий для равного доступа всех индивидов; обеспечение открытости и прозрачности. Согласно документу «Кодекс этических принципов искусственного интеллекта» 2021 года основными этическими принципами, которые провозглашает Китай, являются: повышение благосостояния людей; гармония между человеком и технологиями; содействие справедливости; усиление ответственности^[16].

Кроме того, на 2-й сессии ВСНП 14-го созыва в 2024 году Китай представил стратегическую инициативу «Искусственный интеллект плюс», направленную на интеграцию технологий искусственного интеллекта в ключевые секторы экономики для стимулирования экономического роста и укрепления лидирующих позиций Китая в области искусственного интеллекта, в том числе на международной арене. Пекин посредством интеграции искусственного интеллекта в производство пытается оптимизировать процессы разделения труда и координацию производства в сельском хозяйстве, медицине и торговле.

Также КНР активно привлекает другие страны к участию в работе международных площадок в сфере цифровизации, например, Саммит «Цифровой Китай», Платформа электронной коммерции Шелкового пути, Китайская международная выставка высоких технологий, Фестиваль интернет-торговли качественных товаров, Международная выставка технологии Интернет вещей и её применения. Указанные выставки и фестивали также становятся инструментом продвижения «идейно-ценостного» фактора КНР в сфере цифровизации.

Таким образом, в последние годы Китай активно работает над формированием систематической «идейно-ценостной» основы для продвижения цифрового дискурса, что отражает стремление страны к интеграции цифровых технологий во все сферы. Пекин разрабатывает комплексную стратегию по интеграции цифровых категорий освоения мира в информационное пространство с целью укрепления своих позиций в

глобальной цифровой среде.

Внешнеполитическая цифровая стратегия КНР в контексте «идейно-ценностного» фактора содержит в себе «надстройку» в виде глобальной идеи «Цифровой Шелковый путь» и национального базиса, состоящего из следующих идей и ценностей: «Сообщество единой судьбы в киберпространстве», «Электронная коммерция Шелкового пути», «Искусственный интеллект плюс» и «Интернет плюс», человеческие ценности в сфере развития искусственного интеллекта (гармония, дружелюбие между человеком и технологиями и др.). В большей степени данный фактор направлен в отношении стран Африки, Центральной Азии, Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона. Исходя из этого, «идейная» основа цифровой стратегии Китая реализуется через продвижение идей и ценностей Китая посредством распространения цифровых категорий восприятия мира. Данный подход предполагает комплексное использование информационно-коммуникационных технологий для формирования новой парадигмы мышления и взаимодействия субъектов в глобальной цифровой экосистеме.

Комплексный анализ цифровой стратегии Китая: ключевые механизмы и стратегические приоритеты

Китай во внешней политике применяет различные подходы к реализации цифровой стратегии, адаптируя их в зависимости от уровня технологического развития регионов, находящихся в сфере его влияния.

Сопряжение с другими инициативами (цифровой дискурс). В отношении ряда стран в рамках развития цифровой стратегии Китай использует модель сопряжения с локальными инициативами в технологической сфере (например, «Цифровой Казахстан» и «Цифровой Шелковый путь»; программа «Цифровое развитие Беларусь»). Китай выстраивает коммуникацию с другими странами в рамках продвижения дискурса цифровых категорий с китайской спецификой.

Экономическая форма взаимодействия. Дискурсивное продвижение технологий реализуется Пекином посредством реализации цифровой стратегии, включающей в себя попытку установления цифровых технологических стандартов в международной сфере, в частности, в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), экспорта цифровых устройств на мировой рынок и создания соответствующей инфраструктуры.

В некоторых случаях Китай, учитывая отсутствие национальных технологических разработок в ряде государств, продвигает свои инициативы с экономически выгодными решениями и финансовыми условиями. Китай осуществляет продвижение цифровой инфраструктуры посредством предоставления специализированных кредитов. Так, кредитование представляет собой эффективный инструмент для продвижения китайской инфраструктуры в сфере информационно-коммуникационных технологий в международной сфере, в особенности, в развивающие страны [\[17\]](#). При этом КНР расширяет сеть технологических компаний в развивающихся странах с целью адаптации процессов цифровизации в соответствии с китайскими технологическими стандартами.

Также Китай воздействует на другие страны через экспорт цифровых товаров (телефоны, планшеты, автомобили) с собственными операционными системами и облачными хранилищами, в том числе через инициативу ОПОП. В рамках данной инициативы официальные лица КНР делают акцент на развитии инновационной «цифровой экономики», организации выставок цифровой торговли и создании электронных цифровых платформ. Китай посредством активного расширения экспорта высокотехнологичной продукции целенаправленно формирует экономическую и

технологическую зависимость этих государств от своих товаров и услуг. Данная стратегия позволяет Китаю сохранять долгосрочное влияние в ряде регионов [\[18\]](#). Кроме того, осуществляя финансирование проектов в государствах-участниках ОПОП посредством юаня, Китай стимулирует спрос на данную валюту и способствует ее применению в международных финансовых операциях. 1 июня 2025 года в КНР вступили в силу изменения в законодательстве банковской сферы, которые окажут влияние на всех участников международной торговли. В ряде отраслей станет обязательным использование юаня для осуществления международных платежей.

В основном Китай продвигает следующие проекты на мировой рынок услуг в сфере цифровых технологий:

- платформа приложений (система «умный город», электронная коммерция);
- веб-сервисы передачи данных, обеспечение программ (облачные сервисы, центры обработки данных, операционные системы и искусственный интеллект);
- высокотехнологичная продукция (телефоны, планшеты, компьютер, модемы);
- иное оснащение (обновление материально-технической базы предприятий с использованием робототехники).

Платформа приложений. Китайские производители инвестируют в развитие трансграничных платформ электронной коммерции и систем «умный город» с целью расширения своего присутствия на международных рынках. Основной целью «умного города» является повышение качества жизни граждан посредством цифровой трансформации городской инфраструктуры (автоматизация городских систем, создание электронного правительства на базе облачных технологий и др.). Китай является одним из мировых лидеров по количеству умных городов (12 городов [\[19\]](#)).

Основными китайскими компаниями по созданию данных систем являются Huawei, China Mobile, Inspur, China Unicom, Tencent, ZTE, Sugon, Alibaba Cloud, Hikvision, Dahua. При этом Huawei и ZTE больше остальных участвуют в процессе формирования «умных городов» в других странах. Данные компании открыли научно-исследовательские центры в Центральной Америке, Европе, Африке и на Ближнем Востоке. Например, китайские компании развиваются в Египте деловой центр с использованием технологий строительства «умных городов», «умный город» в Дуйсбурге (Германия).

Кроме того, Китай демонстрирует активное участие в международных организациях, разрабатывающих стандарты для «умных городов», по линии взаимодействия с Международным союзом электросвязи и Институтом инженеров электротехники и электроники. Благодаря участию Китая в этих организациях представляется возможность влиять на процесс формирования стандартов в целях продвижения интересов китайских компаний на международной арене.

Крупные китайские компании в сфере электронной коммерции, такие как Alibaba, JD.com и Douyin от ByteDance, продолжают развивать платформы, в том числе на международных рынках. Так, Cainiao Network, подразделение логистической компании Alibaba Group Holdings, сотрудничает с немецкой компанией Deutsche Post DHL Group в рамках создания крупнейшей сети пунктов выдачи посылок в Польше. Компания Meituan выходит на рынки Саудовской Аравии и Бразилии в целях поставок продуктов питания и медикаментов с помощью беспилотных летательных аппаратов от Keeta Drone.

Помимо этого, китайские корпорации инициируют открытие и продвижение международных платформ сотрудничества. Например, Huawei в 2017 году запустила международные лаборатории OpenLab с целью создания открытой информационной экосистемы в Германии, Мексике, Сингапуре, ОАЭ, Турции. Проект направлен на ускорение цифровой трансформации и служит в качестве открытой системы, где китайские компании объединяются с зарубежными партнёрами для разработки отраслевых решений. В 2023 году Huawei представила усовершенствованную лабораторию OpenLab 3.0 в Азиатско-Тихоокеанском регионе как улучшение своих научно-исследовательских операций в Сингапуре, а также разработала ряд решений, таких как Smart Campus, Smart Classroom и Smart City.

Веб-сервисы передачи данных. Китайский рынок облачных вычислений занимает второе место в мире после США. Китайские компании, такие как, Alibaba Cloud, Tencent Cloud Computing, Huawei, UCloud, Sugon, China Telecom, Kingsoft, Baidu Cloud, Azure China, стремятся продвигать облачные сервисы хранения данных на внешние рынки. В третьем квартале 2023 года на долю Alibaba Cloud приходилось около 39% китайского рынка облачных инфраструктурных услуг. Китай в 2023 году обеспечил 12% мировых инвестиций в этот сектор^[20]. В глобальном масштабе Alibaba Cloud имеет четвёртое место по доле рынка, уступая AWS, Azure и Google Cloud^[21].

Инфраструктура Alibaba Cloud состоит из регионов, которые включают в себя зоны доступности с центрами обработки данных и независимыми системами поддержки, включая резервные источники питания и сети. Корпорация Alibaba Cloud осуществляет управление 87 зонами доступности, распределенными по 29 регионам в глобальном масштабе. Alibaba Cloud расширяет свою инфраструктуру на Ближнем Востоке (ОАЭ, Турция, Оман, Кувейт, Катар), в Азии (Сингапур, Япония, Таиланд, Малайзия, Южная Корея, Индонезия, Филиппины, Индия, Австралия), в Африке (Южная Африка и Нигерия), в Европе (Германия, Великобритания, Франция, Италия, Швеция, Нидерланды), а также в США.

Не смотря на то, что облачные хранилища, разработанные китайскими компаниями, во многом демонстрируют сходство с аналогичными решениями западных разработчиков, при этом в отличие от Запада они предоставляют больший объём бесплатного хранилища и имеют выгодную ценовую политику. Кроме того, эти системы беспрепятственно интегрируются с китайскими технологическими платформами.

Операционные системы. В сфере развития собственных операционных систем и программного обеспечения для автомобилей Китай продвинулся относительно недавно в целях укрепления технологической независимости Китая и повышения конкурентоспособности на мировой арене. При этом основой цифровой стратегии Китая является интеграция и адаптация научно-технологического опыта западных стран в рамках разработки и внедрения собственных технологических решений^[22]. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил необходимость ускорения разработки отечественных операционных систем в целях высококачественного развития^[23]. Данная политика сопровождалась рекомендациями со стороны Министерства промышленности и информационных технологий КНР в части минимизации использования устройств с иностранными чипами и операционными системами в государственном секторе с целью обеспечения полного перехода на национальные разработки к 2027 году^[24].

В настоящее время Китай пытается вытеснить американские системы (iOS, Android), продвигая собственные операционные системы для мобильных телефонов и других

устройств. Например, компания Xiaomi в 2010 году выпустила мобильную операционную систему на базе Android – MIUI. В 2023 году Пекин выпустил операционную систему OpenKylin на основе ядра Linux с открытым исходным кодом для компьютеров. Ранее операционная система использовалась в китайской космической программе (лунная миссия «Чанъэ» и программа по изучению Марса). В 2024 году выпущена система OpenKylin версии 2.0 с интегрируемой технологией искусственного интеллекта. Также компания представила обновленную версию операционной системой с открытым кодом – HyperOS.

Huawei в связи с американскими санкциями и отключением от мобильных сервисов Google в 2019 году выпустила альтернативную мобильную операционную систему HarmonyOS на основе открытого исходного кода Android. Данной системой оснащены умные часы, планшеты, телевизоры, смартфоны Huawei, которые в том числе поставляются на внешние рынки. Высокий спрос на телефоны Huawei с поддержкой 5G технологии привел к внедрению собственной мобильной операционной системы [25]. Операционная система HarmonyOS занимает 8% рынка программного обеспечения в Китае и более 2% мирового рынка. Исходя из этого, на текущий момент китайская операционная система HarmonyOS в большей степени ориентирована на внутренний рынок. Учитывая растущий спрос на операционную систему Harmony OS внутри Китая, следует ожидать, что Huawei предпримет активные шаги по продвижению данной системы на международной арене. Глобальное регулирование механизма операционной системы может служить в качестве инструмента международного политического влияния [26]. Более того, в мае 2025 года компания представила серию новых моделей ноутбуков, функционирующих на базе собственной операционной системы HarmonyOS с открытым исходным кодом, что ознаменовало дебют собственной операционной системы на рынке персональных компьютеров.

Китай также развивает собственные технологии в области машиностроения, производя автомобили с операционными системами. Например, автопроизводитель FAW Group выпускает премиальные автомобили Hongqi, оснащенные китайскими операционными системами. Hongqi экспортirуются в Австрию, Бельгию, Данию, Израиль, Казахстан, Люксембург, Нидерланды, Норвегию, Польшу, Словению, Турцию, Швецию (при этом больше всего в Казахстан, Израиль и Швецию [27]). Более того, японские компании по производству автомобилей на рынке Китая стали внедрять китайские технологии. Компания Toyota применяет операционную систему, разработанную Huawei. Автопроизводители Nissan и Honda интегрируют решения искусственного интеллекта DeepSeek.

Отмечается также сотрудничество России и Китая в области развития операционных систем. В 2021 году на 25-м заседании российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств страны договорились увеличить сферу применения российской операционной системы «Аврора» и создать экосистему с открытым исходным кодом для приложений, разработанных китайскими компаниями. Тем не менее, на текущий момент в информационном пространстве отсутствует информация о реализации совместного проекта в рамках данных договоренностей.

Китайские разработчики совершенствуют технологии искусственного интеллекта. Китайские компании экспортirовали технологии в сфере искусственного интеллекта в 63 страны (например, Кения, Лаос, Монголия, Уганда, Узбекистан). В январе 2025 года китайская компания DeepSeek представила модель искусственного интеллекта R1 с открытым исходным кодом. Особенность этой модели, по заявлению разработчиков,

заключается в ее создании с минимальными затратами. Эксперты отмечали, что проект превзошел ChatGPT от американской компании OpenAI, поскольку занял лидирующую позицию в американском магазине приложений Apple. В результате этого произошло падение акций американских корпораций в индустрии искусственного интеллекта^[28]. Система DeepSeek также стимулирует продажи китайских автомобилей с внедренным искусственным интеллектом в бортовых ассистентах. Китайские компании по производству автомобилей Dongfeng, JAC и BYD пользуются популярностью за рубежом. Например, в мае 2025 года компания BYD заняла лидирующую позицию на европейском рынке электромобилей, опередив Tesla.

В то же время, несмотря на позитивный отклик со стороны других стран в отношении китайских технологий в сфере искусственного интеллекта, также наблюдаются случаи отказа в их применении. Например, Малайзия отказалась от реализации проекта в области искусственного интеллекта, предполагавшего использование чипов Huawei. Впоследствии упоминание об участии Huawei в рамках данного проекта было исключено из официальной риторики.

Правительство Китая экспортирует беспилотные летательные аппараты в различные регионы (США, Европа, Азия, Латинская Америка и Африка). По данным South China Morning Post китайские дроны имеют конкурентное преимущество благодаря низкой стоимости энергоисточника, что повышает экономическую эффективность их использования. Согласно данным Drone Industry Insights UG, китайская компания DJI занимает доминирующее положение на американском рынке беспилотных летательных аппаратов. По состоянию на 2020 год доля DJI на рынке продаж дронов в США составляла примерно 77%^[29].

Однако позднее американское руководство стало рассматривать дроны DJI в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности. В частности, компания DJI добавлена США в «Черный экономический список». В 2024 году правительство США запретило ввоз некоторых дронов DJI, ссылаясь на Закон о предотвращении принудительного труда уйголов. В 2024 году КНР ввел усиленные меры контроля над экспортом беспилотных летательных аппаратов по причине рисков применения дронов для военных целей. Исходя из этого, Китай продвигает политику, связанную с применением китайских технологий исключительно в мирных целях.

Пекин также внедряет искусственный интеллект в космической отрасли. В 2024 году КНР вывела на орбиту коммерческий спутник с искусственным интеллектом^[30]. Помимо этого Китай реализует масштабный проект по внедрению собственной системы спутниковой навигации BeiDou в таких отраслях, как нефтяная промышленность, телекоммуникации и транспорт. Проект обеспечивает высокоточное покрытие не только в АТР, но и в других регионах в глобальном масштабе.

Китайские компании в других странах создают центры инновационного сотрудничества в области искусственного интеллекта с целью содействия безопасным трансграничным потокам данных, обмена моделями искусственного интеллекта, а также взаимного признания стандартов искусственного интеллекта. Например, созданы центры в Лаосе, Малайзии. Китай также предложил странам-участникам ШОС создать данный центр.

Кроме того, Пекин активно продвигает инициативы в области развития искусственного интеллекта на международной арене. В рамках 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН принята резолюция об укреплении международного сотрудничества в области наращивания потенциала искусственного интеллекта, предложенная Китаем.

Отмечается, что разработка систем искусственного интеллекта должна основываться на принципах, ориентированных на человека для пользы обществу.

Китайский подход к правовому регулированию сферы искусственного интеллекта характеризуется итеративностью, что позволяет последовательно корректировать нормативные правовые акты с учетом новых тенденций. Также он отличается отраслевой спецификой, ориентированной на конкретные секторы экономики. Прагматичность правового регулирования искусственного интеллекта оказывает значительное влияние на формирование правовых систем других стран, способствуя интеграции технологических практик и решений на глобальном уровне^[31]. Кроме того, в соответствии с Законом о кибербезопасности КНР государственные органы координируют усилия по сбору, анализу и отчетности по информации о кибербезопасности. В западном дискурсе отмечается точка зрения, что данный закон может привести к прекращению деятельности иностранных технологических компаний, осуществляющих свою деятельность в различных секторах экономики Китая. Данное обстоятельство может создать условия для применения цифровых технологий в сфере искусственного интеллекта в качестве каналов для сбора данных.

Таким образом, в результате западной санкционной политики, направленной на ограничение поставок американских технологических комплектующих, Китай был вынужден еще больше усилить разработку и внедрение собственных технологических решений, при этом опираясь на полученный ранее опыт от западных стран. К текущему времени Китай развивает цифровые технологии и продвигает их на мировой рынок путём создания устройств, оснащённых собственными цифровыми операционными системами и системами искусственного интеллекта, что позволяет Китаю не только укрепить свои позиции на внутреннем рынке, но и конкурировать с другими странами, предлагая потребителям выгодные продукты и услуги.

Высокотехнологичная продукция. В период с 2019 по 2021 год наблюдался стабильный рост объемов экспорта высокотехнологичной продукции Китая (электромобили, 3D-принтеры, промышленные роботы). В 2021 году произошло значительное увеличение показателей экспорта, достигнув уровня в 936 млрд долл. В 2023 году объем экспорта высокотехнологичной продукции из Китая составил 825 млрд долл, что свидетельствует о снижении по сравнению с 2022 годом (924 млрд долл)^[32]. Исходя из этого, значения экспорта данной продукции в Китае демонстрирует тенденцию к уменьшению на протяжении двух лет с 2022 по 2023 год. Несмотря на заметное снижение экспорта, Китай остается лидером по экспорту данного вида продукции. Например, экспорт высокотехнологичной продукции из США по итогам 2023 года составил 282,5 млрд долл^[33], что существенно ниже по сравнению с китайскими показателями.

Вместе с тем, в 2023 году стоимость импорта и экспорта цифровых услуг в Китае достиг 387,5 млрд долл, что на 4,4% больше, чем в 2022 году со значением в 371,08 млрд долл^[34].

Согласно исследованию Народного университета Китая «Глобальный отчет о восприятии цифровых технологий за 2025 год», которое проведено среди 38 стран, 86% респондентов оценили достижения Китая в сфере развития цифровых технологий. При этом наивысшие показатели одобрения зафиксированы в Африке (94,3%), Южной Америке (93%), Юго-Восточной Азии (91,1%), Южной и Центральной Азии (90,7%) и на Ближнем Востоке (88,1%)^[35].

Китай осуществляет стратегическую политику, направленную на адаптацию китайскими компаниями цифровой продукции в соответствии с потребностями местных рынков. Например, китайская компания Transsion, занимающая первое место на рынке смартфонов в Африке, продемонстрировала в 2023 году самый значительный годовой прирост поставок мобильных устройств среди других производителей. В течение второго квартала 2024 года компания Transsion укрепила свои позиции на африканском рынке смартфонов, достигнув доли в более чем 40%, что обусловлено выгодной ценовой политикой, ориентированной на широкий круг потребителей в Африке.

Иное оснащение. В Китае в рамках государственной программы по продвижению новой индустриализации активно внедряются автоматизированные системы на основе робототехники. «Новая индустриализация Китая» характеризуется усилением стратегии в ключевых областях, например, анализ больших данных, биомедицина, аэрокосмическая промышленность.

Промышленные предприятия Китая постепенно переходят к полноценному использованию роботизированной техники. Автоматизированные системы на базе технологий 5G и Интернета вещей управляют сваркой и резкой металлов. Например, в 2024 году компания Xiaomi открыла в Пекине автономную фабрику Xiaomi Smart Factory. Компания Zhengzhou Coal Mining Machinery (Group) Co. осуществила цифровизацию производства с применением роботов. По мнению разработчиков, эта модель роботов решит проблему дефицита рабочей силы в обрабатывающей промышленности. Также данные компании развиваются сотрудничество с другими странами. В 2022 году экспорт промышленных роботов китайского производства на международный рынок достиг 610 млн долл [\[36\]](#).

Строительство телекоммуникационной инфраструктуры (5G, подводные, наземные, спутниковые линии связи). В рамках инициативы ОПОП китайские компании содействуют развитию телекоммуникационной сферы в государствах-участниках. Китайские предприятия осуществляют установку и модернизацию трансграничных оптоволоконных магистралей. Расширение цифровой инфраструктуры за пределами страны подкрепляется посредством предоставления кредитов со стороны Пекина. Китай оказывает содействие развивающимся странам в строительстве цифровой инфраструктуры, предоставлении услуг и переобучении специалистов. Huawei реализовала ряд проектов по развитию информационно-коммуникационных технологий в странах Европы, Африки, Центральной Азии и Латинской Америки. В рамках этих проектов созданы высокоскоростные, стабильные и защищенные сети в целях улучшения телекоммуникационной инфраструктуры регионов.

Согласно данным Министерства промышленности и информатизации КНР, в мае 2024 года насчитывалось более 3 млн 800 тыс. станций связи 5G, что составляет 60% от общемирового количества [\[37\]](#).

В 2024 году Китай в рамках проекта «Цяньфань» запустил первые искусственные спутники в целях высокоскоростной широкополосной передачи данных. Ожидается, что к концу 2025 года будет реализовано 648 спутников. Китайская компания SpaceSail, предоставляющая услуги спутникового интернета и выступающая конкурентом американской корпорации Starlink, заключила с Бразилией соглашение по получению доступа китайской компанией к инфраструктурным ресурсам телекоммуникационной компании Бразилии Telebras, включая центры обработки данных и оптоволоконные сети.

В то время как западные страны предоставляют гуманитарную и финансовую помощь

развивающимся странам, Китай, применяя восточный стратегический подход, предлагает кредиты и займы на льготных условиях, а также реализует инфраструктурные проекты в регионе в рамках модели «ресурсы в обмен на инфраструктуру». Данная модель подразумевает, что в случае невозможности погашения задолженности государством-партнером, Китайская Народная Республика может получить право на освоение и добычу минеральных и энергетических ресурсов данных стран в качестве компенсации. В результате подобного влияния формируется «инфраструктурная зависимость» стран. Исходя из этого, китайская сторона пытается сформировать в ряде стран собственную цифровую систему, включающую в себя образовательные, научные и другие компоненты, путем формирования инфраструктуры и внедрения китайских технологий. Например, между Китаем и Демократической Республикой Конго (ДРК) в 2008 году было заключено соглашение, в рамках которого Китай инвестировал в инфраструктурные проекты ДРК в обмен на права на добычу полезных ископаемых. Позднее ДРК и КНР провели переговоры о пересмотре условий данного соглашения.

Компания Huawei реализует стратегию по увеличению своего инфраструктурного присутствия в африканском регионе. В рамках заключенных контрактов с Египтом и Алжиром, компания осуществляет модернизацию сетей 3G и взаимодействует с ведущим оператором мобильной связи Египта «Telecom Egypt» для развертывания сетей 4G. В Кении Huawei с 2014 года реализует Национальный проект по расширению магистральной волоконно-оптической инфраструктуры. В рамках состоявшегося в 2024 году Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) Китай и африканские страны договорились укреплять строительство цифровой инфраструктуры, продвигать высокоскоростной доступ в Интернет в Африке, поддерживать развитие «умных городов». Также Китай совместно в африканских странах реализует программу «Спутниковое телевидение в 10 тыс. деревень». В африканских странах, помимо крупных корпораций, также наблюдается развитие частных инициатив. В частности, компания Ahadi Corporation внедрила доступные интернет-услуги, интегрировав технологию Wi-Fi с местной оптоволоконной сетью.

В рамках стратегии по замещению американских технологических стандартов в Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай инициировал усиление цифровой политики. В 2022 году Китай начал строительство на юге страны системы подводных оптико-волоконных высокоскоростных кабелей SEA-H2X для модернизации Интернет-соединения между КНР и странами Юго-Восточной Азии, что также вписывается в развитие цифровой экономики в странах - участницах Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Система подводных кабелей соединит провинцию Хайнань, Гонконг (Сянган), Филиппины, Таиланд, Малайзию и Сингапур. В планах провести сеть до Вьетнама, Камбоджи и Индонезии.

В странах Центральной Азии Китай внедряет оптоволоконные линии связи и спутниковые системы передачи данных для обеспечения стабильного и высокоскоростного интернета. В 2023 году китайские компании достигли соглашения с таджикскими партнерами о развертывании на территории Таджикистана 7,6 тыс. базовых станций для обеспечения мобильной связи и широкополосного доступа в интернет. Кроме того, Китай также активно развивает сотрудничество в области строительства цифровой инфраструктуры с Россией и Казахстаном. В 2024 году подписано трехстороннее соглашение о создании единой цифровой платформы, направленной на оптимизацию контейнерных перевозок между странами. Ожидается, что создаваемый коридор будет представлять собой комплексную систему, предназначенную для интеграции и оптимизации процессов таможенного оформления, электронной коммерции и логистики.

В настоящее время западными странами реализуется стратегия по противодействию распространения китайских технологий, прикрываясь целями обеспечения информационной безопасности и поддержания национального технологического суверенитета. В условиях технологического соперничества между Китаем и США американские власти стремятся противодействовать и оказывать давление на некоторые государства, входящие в сферу интересов КНР. В частности, представители США рекомендовали европейским странам не применять китайские технологии, а также запретили ввоз китайское продукции в связи с рисками, связанными с потенциальной угрозой шпионажа со стороны Китая. Также руководство США в 2020 году инициировало программу «Чистая сеть» для минимизации рисков, связанных с утечкой конфиденциальной информации, нарушениями кибербезопасности. Программа основывается на международных принципах цифрового доверия и включает меры по защите от кибератак, предположительно исходящих от Китая. В данном проекте участвовало около 60 стран (например, Япония, Австралия, Южная Корея, Канада, Новая Зеландия, Индия). Вместе с тем, в последнее время данная инициатива не находит отражения в информационном пространстве.

Несмотря на это, китайские технологии играют ключевую роль в формировании цифровой инфраструктуры стран Центральной и Восточной Европы. Например, Huawei занимает ведущие позиции в области создания инфраструктуры 5G в Венгрии. Однако в некоторых европейских странах наблюдается тенденция к отказу от использования китайского цифрового оборудования, ссылаясь на угрозу национальной безопасности (Германия, Литва, Эстония, Швеция, Великобритания, Норвегия, Португалия). Германия одобрила проект по исключению оборудования Huawei и ZTE из инфраструктуры мобильной связи к 2026 году. Руководство Эстонии приняло федеральный закон, которым введены ограничения в использовании сетевого оборудования Huawei.

Более того, в 2023 году Европейский союз рассматривал вопрос о возможном запрете на использование оборудования Huawei при развертывании сетей 5G в государствах-участниках. Вместе с тем, достаточно быстро риторика Евросоюза сменилась в сторону вынужденного продолжения сотрудничества. Это решение было связано с тем, что европейские страны не обладают достаточными ресурсами и технологиями для полного отказа от сотрудничества с китайскими компаниями. Так, Европейский Союз предоставляет финансирование Huawei в рамках научно-исследовательской программы Horizon Europe, направленной на разработку технологий 5G, несмотря на существующие санкции. Китайская компания поставляет оборудование и платформы для искусственного интеллекта странам ЕС для проведения исследований. Данное партнерство свидетельствует о том, что в обозримом будущем Европа не сможет полностью отказаться от цифровых разработок Китая.

Вместе с тем, в контексте усиления геополитической напряженности и экономической конкуренции, европейские страны активизируют превентивные меры, направленные на обеспечение национальной безопасности и повышение конкурентоспособности европейских компаний. В 2024 году Европейский Союз рассматривал возможность введения обязательного требования для китайских компаний предоставлять свои технологии европейским предприятиям в обмен на субсидии ЕС.

Кроме того, Китай совместно с европейскими странами запустил проект EMA по проведению подводной оптоволоконной сети, соединяющей Азию, Ближний Восток и Европу. При этом данный проект конкурирует с идентичным проектом Америки SeaMeWe-6, в рамках которого в 2023 году китайские компании China Telecom и China Mobile приостановили свое участие в проекте из-за политической напряженности между США и

КНР.

Исходя из этого, европейские страны активно интегрируются в цифровую экономику Китая посредством внедрения китайских технологий, включая использование технологий 5G. Китай предоставляет партнёрам технологические решения, включая центры обработки данных и системы электронной коммерции. Однако США выражают озабоченность по поводу потенциальных рисков, связанных с использованием китайских технологий, таких как вопросы кибербезопасности и технологического суверенитета. Руководство Соединенных Штатов Америки формирует негативное восприятие Китая среди европейских партнеров и других стран, продвигая в информационном пространстве идею о китайском кибершпионаже с целью уменьшения влияния Китая. Ряд европейских государств усилил меры по обеспечению информационной безопасности, что привело к началу разработки собственных технологических систем. Тем не менее, использование китайских технологических решений рядом стран на международном рынке все еще остается значительным, поскольку полный отказ от них потребует дополнительных временных и ресурсных затрат.

Образовательная форма воздействия. Руководство Китая на различных форумах и конференциях продвигает форматы сотрудничества в сфере цифрового образования. Так, Председатель КНР Си Цзиньпин инициировал активизацию сотрудничества в сфере цифрового образования между странами-участницами БРИКС. Китай планирует открыть 10 учебных центров в странах БРИКС с целью возможности обучения 1000 административных работников. Китай инициирует создание научно-исследовательских лабораторий для стимулирования прогресса в области искусственного интеллекта, а также для обеспечения безопасного развития этой технологии, в том числе путем проведения научных саммитов, направленных на обсуждение и координацию международных усилий в данной сфере в рамках инициативы ОПОП. Так, Китай открыл международные лаборатории OpenLab (Германия, Мексика, Сингапур, ОАЭ, Турция).

В Африке Китай реализует образовательные программы по переподготовке кадров, например, Huawei открыл в Восточной Африке центр совершенствования подготовки в области новых технологий, расположенный в Найроби (мобильные и оптоволоконные сети, энергетические решения, телекоммуникационная инфраструктура). В рамках ОПОП была разработана инновационная образовательная платформа «Cloud Classroom», предназначенная для проведения интерактивных онлайн-трансляций, направленных на повышение уровня цифровой компетентности участников инициативы. Программа обеспечивает возможность организации учебных мероприятий в режиме реального времени.

Также в качестве инструмента «идейного» влияния можно выделить внедрение в Казахстане цифрового информационного табло издания People's Daily. Благодаря данной платформе издание может публиковать многоязычные информационные бюллетени, содержащие исторические материалы о Китае.

Таким образом, Китай формирует цифровую экосистему за счет интенсивного продвижения цифровых технологий на глобальном рынке. КНР последовательно реализует стратегию по продвижению своей технологической архитектуры, начиная с создания цифровой инфраструктуры (развёртывания оптоволоконных сетей) и заканчивая продвижением разработанных операционных систем через продажу высокотехнологичной продукции на международном рынке. Ведущие китайские технологические компании, например, Huawei, Tencent, ZTE, пытаются сформировать у внешних пользователей привязанность к своим устройствам за счет зависимости как от

комплектующих к поддержке инфраструктуры, так и облачных хранилищ. Это свидетельствует о последовательных усилиях Китая по интеграции своих цифровых решений в различные отрасли экономики других стран.

В контексте инициативы «Цифровой Шелковый путь» Китай заявляет о международном взаимном сотрудничестве в области развития цифровых технологий. Однако практическое воплощение этой инициативы может привести к усилению «цифровой зависимости» стран-участниц от китайских технологий^[17]. Такой подход позволяет Китаю не только продвигать свои технологии, но и получать доступ к новым рынкам, ресурсам и компетенциям.

Китай применяет разнообразные механизмы для усиления своего влияния в других странах, включая технологические платформы и устройства. Электронные платформы способствуют интеграции стран в глобальное цифровое пространство и могут влиять на экономические и социальные процессы в этих государствах. Обновление инфраструктуры предприятий, в том числе с внедрением робототехники, демонстрируют риски по «закреплению» к китайским технологическим комплектующим, так и к системам искусственного интеллекта, адаптированным под китайские стандарты. Эти механизмы позволяют Китаю не только укреплять свои технологические позиции, но и формировать новые модели взаимодействия с другими странами в условиях глобализации.

***

Результаты исследования позволяют определить роль Китая в современной мировой политике в условиях цифровой трансформации. В настоящее время Пекин последовательно выстраивает собственную внешнеполитическую стратегию по продвижению цифровой архитектуры за пределы своей страны. Основной подход в реализации китайской цифровой стратегии заключается в продвижении «идейно-ценостного» фактора, основанного на цифровых категориях освоения мира, а именно инициативы «Цифровой Шелковый путь», «Сообщество единой судьбы в киберпространстве», «Электронная коммерция Шелкового пути», «Искусственный интеллект плюс» и «Интернет плюс». При этом «Цифровой Шелковый путь» подразумевает стратегическую инициативу по формированию глобальной цифровой инфраструктуры, направленной на оптимизацию процессов обмена информацией, товарами и услугами. Официальные представители Китая в своих публичных выступлениях и заявлениях подчеркивают приверженность общечеловеческим ценностям в контексте развития технологий искусственного интеллекта. Среди приоритетных общечеловеческих ценностей, которые были отмечены, можно выделить уважение к достоинству и свободе личности; гарантирование безопасности систем искусственного интеллекта; гармония и дружелюбие между человеком и машиной, содействие справедливости. Данный «идейно-ценостный» ландшафт направлен на укрепление связей с различными регионами мира, что может привести к переформатированию мировой цифровой среды.

Внешнеполитическая стратегия Китайской Народной Республики в контексте цифровизации отражает ее стремление к глобальному лидерству в сфере информационных технологий и цифровой инфраструктуры. Реализация данной стратегии направлена на создание новой экономической и геополитической реальности, что предполагает формирование и продвижение китайской модели цифрового развития на международной арене. Стратегия Китая также включает распространение цифровых технологий для укрепления политического и экономического влияния в ключевых регионах. Пекин продвигает технологические стандарты на международный рынок путем

экспорта цифровых услуг и товаров, оснащённые встроенными китайскими операционными системами.

В результате проведенного анализа цифровой стратегии Китая на мировой арене определены ключевые компоненты, реализуемые китайской стороной в ряде стран: сопряжение с национальными инициативами в рамках цифрового дискурса; экономическая форма взаимодействия; строительство телекоммуникационной инфраструктуры; образовательная форма воздействия.

В области экономического взаимодействия китайские компании осуществляют финансирование проектов по прокладке оптоволоконных кабелей и развертыванию сетей мобильной связи. Также компании предлагают платформы для электронной коммерции и решения для «умных городов» с целью их интеграции во многие сферы общественной жизни (транспорт, общественная безопасность, производство) преимущественно странам Центральной Азии, Африки, Ближнего Востока и Европы. Вместе с тем, в процессе реализации проектов «умного города» Китай продвигает собственные технологические решения и оборудование, что создает предпосылки для зависимости стран от китайских производителей и поставщиков технологий. Китайские компании предоставляют широкий спектр веб-сервисов для передачи данных, включая облачные хранилища. Пекин также реализует комплексные решения для внедрения робототехники на иностранных предприятиях, включая обучение персонала данным технологиям и техническую поддержку.

В большей степени финансовая поддержка Китаем технологических отраслей в других странах представляет собой эффективный механизм для расширения глобального присутствия китайских технологий в сфере информационно-коммуникационных технологий. Данная стратегия оказывает значительное влияние на международные рынки, особенно в развивающихся странах. Например, в Африке и Центральной Азии Китай инвестирует в строительство цифровой инфраструктуры, в частности применяя формулу «ресурсы в обмен на инфраструктуру», подразумевающую передачу африканскими государствами прав Китаю на разведку или добычу полезных ископаемых. Африканский регион, традиционно рассматриваемый как ключевой поставщик ресурсов, в последнее время трансформируется в значимого «потребителя» высокотехнологичной продукции китайского производства. В данной ситуации существует риск замещения национальных цифровых систем китайскими стандартами и технологиями в ряде государств.

В рамках развития телекоммуникационной инфраструктуры китайские компании развертывают сети 5G для обеспечения высокоскоростного доступа в интернет и поддержки перспективных технологий (интернет вещей, телемедицина), разрабатывают подводные кабельные системы и спутниковые коммуникации, а также расширяют наземную телекоммуникационную инфраструктуру. В большей степени Китай реализует указанные проекты в странах, нуждающихся в цифровом оснащении и улучшении материально-технической базы, например, в Центральной Азии, Африке, Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Образовательная форма воздействия на страны обуславливается попыткой руководством Китая повысить качество подготовки кадров в сфере цифровых компетенций, а также создать международные научно-исследовательские лаборатории в области искусственного интеллекта.

В рамках традиционной стратегии применения «западного ради китайского» Китай не

только адаптировал политические решения с учётом национальной китайской специфики, но и модернизировал технологические решения. Облачные хранилища данных, разработанные Китаем, демонстрируют сходство с аналогичными продуктами западных компаний. В то же время китайские облачные сервисы пользуются популярностью, поскольку предлагают больший объём памяти для хранения данных и характеризуются более конкурентоспособной ценовой политикой.

Исходя из этого, Пекин постепенно формирует новую цифровую реальность, которая сопровождается укреплением его позиций в глобальном цифровом пространстве. На практике реализация цифровой трансформации Китая сталкивается с рядом вызовов в достижении полноценного цифрового доминирования, включая новый опыт ряда стран по созданию собственных операционных систем, которые ранее разрабатывались на основе западных технологий.

Во-первых, сопротивление со стороны Запада, проявляющееся в виде санкционной политики (санкции и ограничения на доступ к необходимым технологиям). Во-вторых, опасения со стороны ряда стран относительно сохранения их цифрового суверенитета. В-третьих, проблема недостаточного развития собственных технологических разработок, что обуславливает его частичную зависимость от иностранных компаний. Это особенно актуально в контексте создания операционной системы для компьютера, предназначенный для международного рынка и способной обеспечить масштабную замену операционной системы Windows.

В-четвёртых, «столкновение» китайских инфраструктурных проектов в сфере цифровизации с другими устоявшимися проектами в регионах присутствия. При взаимодействии с международными инициативами Китай стремится к их сопряжению с проектом «Один пояс, один путь» для управления потоками товаров и инвестиций (например, «Цифровой Шелковый путь» и «Цифровой Казахстан»). В ситуациях, когда возникают «идейно-ценостные» или концептуальные различия с другими проектами, китайские власти предпринимают усилия для их минимизации влияния в регионах. В качестве примера можно привести проект «Глобальный шлюз» Европейского союза, который позиционируется как альтернатива инициативе «Один пояс, один путь». Данный проект представляет собой экономический план, направленный на создание глобальной инфраструктуры, в том числе в сфере цифровых технологий.

Кроме того, со странами Центральной Азии компаниями Азербайджана реализуется проект «Трансаспийской оптоволоконной линии», который является частью программы Azerbaijan Digital Hub с целью формирования цифрового коридора между Европой и Азией. В условиях конкуренции с подобными инициативами Китай активно продвигает свои стратегические интересы, стремясь сохранить доминирующую роль в формировании глобальных цифровых инициатив.

С точки зрения продвижения альтернативных инициатив и услуг в страны, входящие в сферу интересов, основным барьером может стать усиление развития цифровой инфраструктуры, ориентированной на технологические стандарты, разработанные китайскими или американскими компаниями. Продвижение цифровых технологий Китая в страны, которые также представляют интерес для России, может привести к созданию коммуникационной инфраструктуры, обеспечиваемой исключительно китайскими разработчиками и соответствующей китайским технологическим стандартам.

В этом ключе для России представляется важным активно участвовать в формировании новых регуляторных и институциональных основ в глобальной цифровой экосистеме, в

том числе посредством создания цифровой «идейно-ценностной» основы, обеспечивающей равные условия для всех участников и гарантирующей свободный доступ к передовым инновационным технологиям. В частности, представляется целесообразным продолжить усиленное развитие национальных технологических проектов. Например, развитие российской операционной системы «Аврора» не только для государственного сектора, но и для других категорий пользователей с целью её дальнейшего продвижения на международный рынок. Реализация данных инициатив будет способствовать укреплению позиций России на международной арене, а также окажет влияние на формирование и реализацию инновационной политики, ориентированной на укрепление технологического суверенитета государства.

Библиография

1. Торин А. И. Конкуренция технологических платформ в цифровой среде XXI века: основные угрозы [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29503> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Шуцзы Чжунго цзяньшэ чжэнти буцзюй гуйхуа [Общий план строительства Цифрового Китая] [Электронный ресурс] // Правительство КНР. URL: <https://russian.news.cn/20240714/02f35addf26842aa977144cce13935a0/c.html> (дата обращения: 19.05.2025).
3. Шуцзы Чжунго цзяньшэ нянь синдун Фанань цзиньжи иньфа [Недавно опубликован "План действий по построению Цифрового Китая на 2025 год"] [Электронный ресурс] // Правительство КНР. URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202505/content_7024041.htm (дата обращения: 19.05.2025).
4. Идеи и ценности во внешней политике России, государств Ближнего и Постсоветского Востока: коллективная монография / ИНИОН РАН. Отд. Ближнего и Постсоветского Востока; отв. ред. д-р полит. наук В.А. Аватков. – Москва: ИНИОН РАН, 2025. – 132 с.
5. Караганов С. А. Оборонительная традиция неуместна в нынешнем мире [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nastuplenie-v-vojne-idej/> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Лукьянов Ф. А. Сила мягкость ломит: в чем слабость внешней политики России [Электронный ресурс] // Forbes. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/17658> (дата обращения: 11.05.2025).
7. Маслов А. А. Китай 2020. Пандемия, общество и глобальные альтернативы // – М.: Рипол Классик, 2021. – 368 с.
8. Outline of the 14th Five-Year Plan (2021-2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China [Электронный ресурс] // General Office of Fujian Provincial People's Government. URL: https://fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm (дата обращения: 20.03.2025).
9. Белая книга: создание сообщества единой судьбы в киберпространстве – это необходимый выбор в информационную эпоху [Электронный ресурс] // Синьхуа новости. URL: <https://russian.news.cn/20221107/7a3966d586e940819d7a1837670b3d78/c.html> (дата обращения: 20.03.2025).
10. Ижу Лю, Авдокушин Е. Ф. Формирование основ "Цифрового шелкового пути" // Мир новой экономики. – 2019. – № 4. – С. 62-71.
11. Секретарева К. Н. Цифровая трансформация и ее влияние на внешнюю политику Китая. Информационное общество. – 2025. – № 1. – С. 143-151.
12. Титаренко А. М. "Китайская мечта" и "пояс и путь": возможности сопряжения с интеграционными проектами на постсоветском пространстве // Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. – М: Национальный

- исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2020. – С. 148-161.
13. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Стратегические изыскания, 2019. – 736 с.
14. Сидоренко Э. Л. Китайская инициатива Цифрового шелкового пути: направления и перспективы развития, преимущества и риски для России. *Russian Journal of Economics and Law*. – 2025. – № 19(1). – С. 57-79.
15. Гоуюань гуаньюй иньфа синьидай жэньгунчжинэн фачжань гүйхуа дэ тунчжи [Уведомление Государственного совета о выпуске Плана развития искусственного интеллекта нового поколения] [Электронный ресурс] // Сайт Государственного совета КНР. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 20.03.2025).
16. Синьидай жэньгунчжинэн луньли гүйфань [Кодекс этических принципов искусственного интеллекта] [Электронный ресурс] // Министерство Науки и Технологий КНР. URL: https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html (дата обращения: 20.05.2025).
17. Лексютина Я. В., Сизов Г. А. Цифровой шелковый путь: особенности и перспективы развития. Проблемы национальной стратегии. – 2022. – № 6(75). – С. 324-339.
18. Цифровой поворот в международных отношениях: как новые технологии меняют мировую политику и науку о ней: монография / М.А. Сучков, К.В. Воронцов, Н.Ю. Силаев [и др.]; под ред. М.А. Сучкова, И.В. Болговой; МГИМО МИД России, Институт международных исследований, Лаборатория интеллектуального анализа данных. – М: МГИМО-Университет, 2023. – 232 с.
19. Решетникова М. С., Васильева Г. А., Третьякова С. С. Место Китая на мировом рынке "умных городов" // *Russian Journal of Innovation Economics*. – 2024. – № 11(4). – С. 1997-2018.
20. Quarterly share of the cloud Infrastructure as a service (IaaS) market in China from 4th quarter 2019 to 4th quarter 2024, by company [Электронный ресурс] // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1129265/china-cloud-infrastructure-service-market-share-by-company/> (дата обращения: 20.03.2025).
21. Amazon and Microsoft Stay Ahead in Global Cloud Market [Электронный ресурс] // Statista. URL: <https://www.statista.com/chart/18819/worldwide-market-share-of-leading-cloud-infrastructure-service-providers/> (дата обращения: 20.03.2025).
22. Заклязьминская Е. О. Зависимость Китая от зарубежных технологий. Аналитические записки ИКСА РАН. – 2023. – № 3. – С. 58-62. DOI: 10.48647/ICCA.2023.80.59.013 EDN: УАОНYL.
23. Цзяда чжици лиду гунцзянь гочань цаоцзоситун туни шэнтай [Увеличение поддержки для создания единой экосистемы производственных и операционных систем] [Электронный ресурс] // Shenzhen Securities Times. URL: <https://www.stcn.com/article/detail/813499.html> (дата обращения: 20.03.2025).
24. FT узнала о запрете китайским госструктурам использовать чипы Intel и AMD [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/03/2024/6600e6a79a7947769ed324c4?ysclid=mailcatqyi858431819> (дата обращения: 25.03.2025).
25. Huawei's HarmonyOS unseats Apple's iOS to become China's No 2 mobile operating platform [Электронный ресурс] // South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/tech/big-tech/article/3266747/huawei-harmonyos-unseats-apples-ios-become-chinas-no-2-mobile-operating-platform> (дата обращения: 20.03.2025).
26. Григорьевский В. В. Регулирование "облачных сервисов" как инструмент международной конкуренции: опыт США и Китая. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН.

- 2024. – № 3. – С. 50-70.
27. Статистика продаж Hongqi [Электронный ресурс] // Сетевое издание "Китайские автомобили". URL: https://www.chinamobil.ru/faw/hongqi/?view=sales_all&year=23&mon=0 (дата обращения: 20.03.2025).
28. US tech stocks plunge on China AI's unexpectedly strong showing [Электронный ресурс] // South China Morning Post. URL: https://www.scmp.com/news/china/article/3296510/us-tech-stocks-plunge-china-ais-unexpectedly-strong-showing?module=top_story&pgtype=subsection (дата обращения: 20.03.2025).
29. DJI Won the Drone Wars, and Now It's Paying the Price [Электронный ресурс] // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2020-03-26/dji-s-drone-supremacy-comes-at-a-price> China's Smart Dragon-3 rocket sends 9 satellites into space (дата обращения: 20.05.2025).
30. China's Smart Dragon-3 rocket sends 9 satellites into space [Электронный ресурс] // CGTN. URL: <https://news.cgtn.com/news/2024-02-03/China-s-Smart-Dragon-3-rocket-sends-9-satellites-into-space-1qTxS6qFo8o/p.html> (дата обращения: 20.03.2025).
31. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая. *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2024. – № 1. – С. 46-73.
32. Стоимость высокотехнологичного экспорта. Китай. 2023. [Электронный ресурс] // Statbase. URL: <https://statbase.ru/data/chn-high-technology-exports/> (дата обращения: 22.03.2025).
33. Итоги 2023 года: снижение объемов торговли высокотехнологичной продукцией на фоне замедления роста мировой торговли и трансформации глобальных цепочек создания стоимости [Электронный ресурс] // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/ru/web/global-innovation-index/w/blogs/2024/high-tech-trade> (дата обращения: 22.03.2025).
34. China sees prosperous development of digital trade [Электронный ресурс] // People's Daily Online. URL: <http://en.people.cn/n3/2023/0926/c90000-20077200.html> (дата обращения: 20.03.2025).
35. Опрос: 86 проц. респондентов высоко оценивают цифровые инновации Китая [Электронный ресурс] // Синьхуа. URL: <https://russian.news.cn/20250508/c6c1c18d540a447e8966bc5b860802a3/c.html> (дата обращения: 09.05.2025).
36. Китай в 2022 году экспорттировал промышленных роботов на \$610 млн [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16933205> (дата обращения: 20.03.2025).
37. Связь 5G интегрирована в 60% национальной экономики КНР [Электронный ресурс] // CGTN. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2023-06-06/1666033737633263618/index.html> (дата обращения: 20.03.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает фактор цифровых технологий, активно используемый Китаем в процессе реализации своей внешней политики. Учитывая верно отмечаемую автором тенденцию к углубляющейся цифровизации социальных процессов (в сфере экономики, политики, общественной и т.д.), степень научной актуальности и практической значимости выбранной для исследования темы следует признать весьма высокими. Методология исследования описана автором

достаточно сумбурна. С одной стороны, в статье перечисляются некоторые из методов, которые действительно могли использоваться в работе: контент-анализ (почему-то «дискурса», а не документов; почему бы в таком случае не использовать дискурс-анализ, осталось загадкой) и ивент-анализ. Но почему-то не упомянуты методы, традиционные для исследования идеологической базы – концептуальный анализ, морфологический и т. д. Вообще, в работе отсутствуют ссылки на современные исследования идеологий, хотя одной из задач исследования декларируется анализ «идейно-ценостного фактора», который почему-то «выступает в качестве дискурсивной основы цифровой стратегии». Так он в качестве идейной основы выступает или дискурсивной? Автор, судя по контексту, не различает эти вещи. Потому что не проработал соответствующую литературу. Именно это и стало причиной другой стороны проблемы: недостаточная теоретико-методологическая проработка исследования вынудила автора упоминать такие «общенаучные методы», как «классификация». Даже если не придавать значения вопросу, является ли классификация методом, остаётся неясным, какой именно результат она могла дать автору. При этом в статье вообще никак не упоминаются те методы, которые реально использовались в процессе работы: например, институциональный (при анализе конкретных институтов развития цифровой экономики Китая, а также реализации его внешнеполитической стратегии), критический концептуальный и нарративный (при исследовании идейных оснований цифровой стратегии Китая), анализ вторичных статистических данных и др. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны. Прежде всего, речь идёт о самом аспекте исследования внешнеполитической стратегии КНР через анализ развития и продвижения вовне китайских цифровых технологий, а также идеологической базы, лежащей в основе этой цифровой стратегии. Достаточно интересны выводы, сделанные автором относительно конкретных концептов и нарративов, на основе которых реализуется цифровая внешнеполитическая стратегия Китая: «Цифровой Шёлковый путь», «сообщество единой судьбы в киберпространстве», «Электронная коммерция Шёлкового пути» и др. Научный интерес представляет также выявленная автором экономическая база указанной стратегии, которая позволяет Китаю расширять своё технологическое присутствие в экономиках других стран. Наконец, небезинтересны выводы автора относительно перспектив сотрудничества России и Китая в данной области. В структурном плане рецензируемая работа производит нейтральное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, обосновывается её актуальность, формулируются цель и задачи исследования, а также осуществляется (не очень удачная) попытка теоретико-методологической рефлексии исследования; - «"Идейно-ценостное" обоснование развития цифровой стратегии КНР», где исследуется идеологическая база развития институтов цифровой экономики Китая; - «Цифровая внешнеполитическая стратегия Китая и ключевые механизмы», где несмотря на стилистическую погрешность в заголовке, представлены основные результаты исследования, а именно: анализ ключевых механизмов реализации цифровой стратегии Китая во внешней политике; - неозаглавленное заключение, где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи, в целом, научно-аналитический. Но в тексте встречается некоторое количество стилистических (например, первое же предложение в тексте сформулировано стилистически весьма некорректно, когда читателю приходится буквально проридаться сквозь нагромождения грамматических конструкций, и в результате становится совершенно неясно, «кто на ком стоял»: «В условиях стремительного развития цифровых технологий большинство

международных акторов делает акцент не только на внутреннем развитии цифровизации с целью превращения в инновационное государство, обладающее высокотехнологичной цифровой инфраструктурой ["цифровизация с целью инновационного государства, обладающего цифровой" – это явный плеоназм; – рец.], но и на внешнем продвижении собственных инициатив с целью технологического присутствия в других странах, входящих в сферу интересов [в чью сферу интересов? – рец.]»; или повторы слов, например: «В процессе разработки технологических решений... ориентировался на... технологические стандарты...» и др.) и грамматических (например, пропущенный предлог «за» в выражении «отказа от полной зависимости западных технологий»; и др.) ошибок. Тем не менее, в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным (за некоторым исключением) использованием научной терминологии. В числе исключений следующие. Автор явно не всегда понимает смысл использованных терминов. Например, он не понимает, что санкции не «сопровождают» отказ от «зависимости от западных технологий», а поскольку этот отказ «вынужденный», то и причиной его ЯВЛЯЮТСЯ санкции. Либо же этот «отказ» не был «вынужденным», а осуществлялся на добровольной основе (как это нередко происходило в КНР). Путаница между идеями, дискурсом, нарративом и контентом упоминалась выше. Библиография насчитывает 50 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу недостаточной проработки теоретической базы исследования. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести весьма интересную и актуальную тему, выбранную автором для исследования, а также достаточно большой объём эмпирического материала, привлечённый для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, экономистов, синологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации ПОСЛЕ устранения высказанных замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья, подготовленная для публикации в журнале "Мировая политика", представляет собой глубокий анализ цифровой трансформации как важного элемента внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики (КНР). В ней рассматриваются ключевые аспекты, связанные с цифровизацией, ее влиянием на международные отношения и стратегическим позиционированием Китая на мировой арене. Рассматриваются как политические аспекты такого позиционирования, так и экономические процессы, способствующие усилению цифровизации.

Актуальность избранной тематики обусловлена тем фактом, что в условиях глобальной цифровизации и технологической конкуренции, исследование роли цифровых технологий во внешнеполитической стратегии КНР позволяет дифференцировать позиции ведущих стран в области технологического лидерства. В статье прослеживается попытка продемонстрировать, как цифровая трансформация влияет на экономический рост и национальную безопасность, что делает данную публикацию

важной для понимания современных международных процессов.

Методология исследования носит комплексный характер. Автор применяет разнообразные методы исследования, включая дискурс-анализ и кейс-стадии, что позволяет глубже понять механизмы реализации цифровой стратегии Китая. Это придаёт статье научную строгость и обоснованность. Статья опирается на широкий пласт источников, включая официальные документы и исследования, как зарубежные, так и российские, что добавляет ей достоверности и позволяет читателю ознакомиться с различными аспектами рассматриваемой темы.

Вместе с тем, несмотря на обширный анализ стратегий КНР, статья недостаточно критически оценивает возможные риски и негативные последствия цифровой трансформации. Например, не рассматриваются потенциальные угрозы для цифрового суверенитета других стран и возможные конфликты интересов. В статье также определенным образом не достает конкретных примеров: хотя упоминается несколько инициатив, таких как "Цифровой Шелковый путь", не хватает конкретных примеров успешных или неудачных проектов, которые могли бы проиллюстрировать заявленные тезисы. Это может оставить читателя с недостаточным представлением о реальных последствиях китайской стратегии.

Данной публикации характерен также ограниченный географический охват. В статье в основном рассматриваются страны Африки и Центральной Азии, в то время как влияние Китая в других регионах, таких как Европа или Америка, остается без должного внимания. Это может привести к искажению общей картины.

В заключении стоит отметить, что "Цифровая трансформация как часть внешнеполитической стратегии КНР" является важным вкладом в изучение роли технологий в международной политике. Однако, для более полного понимания темы, авторам следует углубить критический анализ и предоставить больше примеров из практики. Это позволит лучше оценить как положительные, так и отрицательные аспекты цифровой стратегии Китая в контексте глобальных изменений. Рекомендуется доработать статью с учетом обозначенных выше замечаний, а также несколько сократить объем публикации и библиографию.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают вопросы цифровой трансформации, рассматриваемые как часть внешнеполитической стратегии Китая.

В исследовании применяется методология, включающая дискурс-анализ и концептуальный анализ ключевых политических документов КНР, а также заявлений официальных лиц Китая, в работе используется критический концептуальный и нарративный анализ.

По мнению авторов, актуальность темы работы обусловлена тем, что в условиях, когда цифровые технологии становятся ключевым драйвером экономического роста и обеспечения национальной безопасности, анализ их воздействия на мировую систему приобретает первостепенное значение.

Заявленная авторами научная новизна рецензируемого исследования состоит в анализе «идейной» основы цифровой стратегии Китая, а также в систематизации ключевых механизмов развития китайской цифровой экосистемы и оценке их влияния на международных акторов.

В публикации структурно выделены следующие разделы: «Идейное» обоснование

цифровой стратегии Китая, Комплексный анализ цифровой стратегии Китая: ключевые механизмы и стратегические приоритеты, Библиография.

В публикации авторы поднимают проблему определения влияния цифровой трансформации Китая на внешнеполитические процессы в контексте изменения международной системы, рассматривают внешнеполитическую стратегию КНР с точки зрения степени воздействия цифровой трансформации на других акторов, а также стремятся выявить проблемы, с которыми сталкивается Китай в странах своего геополитического влияния. Отмечено, что Пекин последовательно выстраивает собственную внешнеполитическую стратегию по продвижению цифровой архитектуры за пределы своей страны, осуществляет продвижение «идейно-ценностного» фактора, основанного на цифровых категориях освоения мира через такие инициативы как «Цифровой Шелковый путь», «Сообщество единой судьбы в киберпространстве», «Электронная коммерция Шелкового пути», «Искусственный интеллект плюс» и «Интернет плюс». Примечательно, что авторы стремятся найти применение полученных результатов исследования для России, говорят о необходимости активно участвовать в формировании новых регуляторных и институциональных основ в глобальной цифровой экосистеме, в том числе посредством создания цифровой «идейно-ценостной» основы, обеспечивающей равные условия для всех участников и гарантирующей свободный доступ к передовым инновационным технологиям.

Библиографический список включает 37 источников – публикации отечественных и зарубежных авторов по теме статьи на русском и иностранных языках, а также интернет-ресурсы. На источники в тексте имеются адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из недочетов стоит отметить следующие. Во-первых, начальная вводная часть публикации почему-то не озаглавлена как «Введение», а заключительные 14 абзацев – как «Заключение» или «Выходы». Во-вторых, авторами не соблюдены установленные редакцией Правила оформления списка литературы: «В списке литературы не указываются: ... Интернет-источники, включая информацию с сайтов, а также статьи на сайтах и в блогах; публикации ненаучного характера (газетные статьи, статьи общественно-политических журналов и т.д.). Все вышеперечисленные источники упоминаются в тексте статьи в скобках, наряду с прочими комментариями и примечаниями авторов».

Статья отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует направлению журнала «Мировая политика», содержит элементы научной новизны и практической значимости, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию после внесения корректива в соответствии с высказанными замечаниями.